

Карлс Мозер

26.07.05

Путешествие в обе стороны

«Последний пейзаж» Жозефа Наджа в Авиньоне

Коммюнике - 2005 - 26 июля - с. 13

фестиваль театр

Одним из главных событий нынешнего Авиньонского фестиваля стала премьера спектакля Жозефа Наджа «Последний пейзаж». В будущем году известный французский хореограф венгерского происхождения будет приглашенным художественным руководителем фестиваля. Из Авиньона — РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ.

В кассе и в дирекции фестиваля задолго до начала показов «Последнего пейзажа» стали разводить руками — билетов нет и не надеются их достать. Двенадцать премьерных показов в бывшей часовне Сан-Жозеф были распроданы очень быстро. На господину Наджа в Авиньоне в этом году буквально молятся. Жозеф, можно сказать, сам стал Сан-Жозефом: в будущем году именно он станет приглашенным худруком фестиваля и уже очевидно, что хореографу предстоит поправить репутацию самого института «ассоциированных директоров», несколько поколебленную в этом году усилиями бельгийца Яна Фабра. А пока что на «Последнем пейзаже» многочисленных безбилетников рассаживают в зале на ступеньках, и это беспрецедентный случай — такого в Авиньоне никогда прежде не разрешали. Но ради Жозефа Наджа даже махнули рукой на правила.

«Пьеса для танцора и перкуссиониста» — такой подзаголовок имеет «Последний пейзаж». Танцор — сам Жозеф Надж. Перкуссионист — знаменитый Владимир Тарасов (участник легендарного советского трио Ганелин—Тарасов—Чекасин). Господин Тарасов уже аккомпанировал Наджу в спектакле «Время отступления», но здесь стал не просто автором и исполнителем живой музыки, но полноправным партнером. Они выходят из-за ширм вдвоем — два известных в белых рубашках и черных брюках. Два клоуна с красными носами. Тарасов надевает колпачок, а Надж — птичий клюв. Два игрока в таинственную игру — на сцене стоит покрытый зеленым сукном стол, на нем укреплены медные тарелки, и герои бросают в них маленькие белые шарики, гоняясь не за голами, а за верными звуками.

Спектакль начинается в полночь и длится час. Может быть, в фестивальной сетке просто не нашлось более удобного времени. Если даже так, то вышло все равно очень правильно, — спектакли Наджа всегда похожи на странный сон, на ноч-

Жозеф Надж работает в новом спектакле не только собственным телом, но и собственной тенью ФОТО AFP

ное путешествие сознания, выключившегося из дневной реальности и подключенного к иррациональному и непознаваемому. Четкость физических движений у господина Наджа сменяется призрачной размытостью визуального ряда. В «Послед-

нем пейзаже» он показывает несколько хореографических соло, в которых мигмом узнается его обычная манера двигаться — жесты грустного фокусника, вывернувшего руки и на мгновение замирающего в скульптурной позиции, чтобы тут же кач-

нуться, «сломаться», как-то вывернуться в другую сторону. Он выходит к зрителю очень меланхолично и обреченно, чтобы исполнить танцы одиночества, которое не ищет утешения или радости. А потом удаляется за полупрозрачные ширмы, и

там становится повелителем и творцом теней — проводит пальцами по экрану, чтобы на нем остались простые детские рисунки. Вот сидела на ветке птица, а Надж выплескивает что-то — и рядом с первой оплывающей кляксой усаживается вторая, точно такая же.

Собственная особая пластика, изощренная перкуссия Владимира Тарасова и вроде бы нехитрые оптические эффекты действительно складываются у Жозефа Наджа в концептуальный пейзаж — внутренний пейзаж художника. Он стремится творить своим телом. Он пробует что-то рассказывать руками и светом. Он хочет стать другим существом — птицей с клювом и перьями. Он пытается вообще уйти, оставив лишь иллюзию собственного присутствия, «один раз экран вдруг превращается в ярко светящийся негатив, на котором, будто бы в сплошном молоке, блуждает и плавает силуэт человека, которого на самом деле там уже, разумеется, нет». Наконец, он хлещет веревкой по черному планшету так истошно, что нет сомнений в том, что Надж имеет в виду самоистязание, но остается только белый дымок, потому что веревка была буквально пропитана мелом.

Свое ночное путешествие персонаж Жозефа Наджа совершает сразу в обе стороны — в детство и в смерть. Многие его прежние спектакли были буквально пропитаны духом того маленького венгерского местечка в Сербии, где он родился. Конечно, и по отношению к тем работам следовало говорить не об этнографических подробностях, а о метафизических переживаниях исчезнувшего прошлого. Но теперь они переплавились в чувство неизбывной зависимости уже не от родины, а от чего-то еще, что навсегда ушло, не вернется, но не отпускает. Про то, что художественное творчество есть форма бегства от обреченности земных усилий, зрители знают не хуже, чем Жозеф Надж. Про то, что искусство есть во многом переживание телесности и страха небытия, в Авиньоне могли узнать и те, кто по каким-то причинам не подозревал об этом, — на фестивальных сценах полно крови и корчащихся человеческих тел. Так много, что никакие ощущения они уже не вызывают. Но вот когда Жозеф Надж в конце спектакля провел чем-то по груди и по белой рубашке из ровной горизонтальной раны стала стекать темноватая густая жидкость, показалось, что видишь такое на сцене в первый раз.